Авторский лист

Константин Коровин вспоминает*

Отвечая на вопрос, как он стал писателем, Коровин говорил: «Был я болен, живописью заниматься не мог, лежал в постели. И стал писать пером – рассказы. Закрывая глаза, я видел Россию, ее дивную природу, людей русских, любимых мною друзей, чудаков, добрых и так себе – со всячинкой, которых любил, из которых «иных уж нет, а те далече»... И они ожили в моем воображении, и мне захотелось рассказать о них».

В 1929 году миру открылся самобытный русский писатель Константин Алексеевич Коровин. Было ему тогда 68 лет.

Н.К. Рерих «Нерушимое», из очерка «Художники»:

«В Париже живет Константин Коровин. Сколько мыслей о русской национальной живописи связано с этим именем. Многим оно запомнилось как имя великолепного декоратора, выполнителя самых разнообразных театральных заданий. Но это лишь часть сущности Коровина. Главный его смысл – это самобытное дарование, проникнутое национальной живописью. Он именно русский художник, он – москвич, не в степени московщины, но в размахе Русском».

В.Д. Поленов о письмах К.А. Коровина из Парижа:

«Ужасно интересно и талантливо. То восторги, то уныние, то он богач, то он нищий, то он работает в большой мастерской, то на чердаке».

А.П. Чехов из письма к жене:

«Два дня подряд приходили и сидели подолгу художники Коровин и бар. Клодт; первый говорлив и интересен, второй молчалив, но и в нем чувствуется интересный человек».

---

* Из книги: Константин Коровин вспоминает... М.: Изобразительное искусство, 1990. Составители, авторы вступительной статьи и комментариев И.С. Зильберштейн и В.А. Самков. Публикация подготовлена Г. Смоленской.

Александр Бенуа о воспоминаниях Константина Коровина:

«У Коровина быль и небылица сплетались в чудесную неразрывную ткань, и его слушатели не столько “любовались талантом” рассказчика, сколько поддавались какому-то гипнозу. К тому же память его была такой неисчерпаемой сокровищницей всяких впечатлений, диалогов, пейзажей, настроений, коллизий и юмористических деталей, и все это в передаче отмечено такой убедительностью, что и не важно было, существовали ли на самом деле те люди, о которых он говорил; бывал ли он в тех местностях, в которых происходили всякие интересные перипетии; говорились ли эти с удивительной подробностью передаваемые речи – все это покрывалось каким-то наваждением, и оставалось только слушать да слушать».

Ответы на вопросы о жизни и творчестве

Всю свою жизнь я был отрицаем. Это меня удивляло, так как людям я нес только красоту и прославление жизни.

<...> Отзывов критики в газетах и журналах не собирал и не читал всех.

Был один курьезный отзыв, забыл в какой газете в Париже, где авторы говорили, что в русском художнике они хотели бы видеть особенности азиата, но в Коровине его нет, так как он похож на европейца. Я подумал: «Вот еще горе».

* * *

1. Произведение, создание артиста, художника, музыканта, певца больше постигается непосредственно в душе человека, наделенной эстетическим восприятием; анализом же заключений не постигаются ощущения, эстетика.

2. Деятели искусства, создавая его, говорят вам о своем создании языком своего «я». Этот язык создания есть умение артиста вызвать в вас духовное наслаждение.

3. Я слышал много разговоров о пении. Те, кто много говорили, как надо петь, пели меньше и хуже. Художники также.

Эрудиция, анализ и взятие всевозможных рецептов творчества, модничанье, новшества еще ничего не делают. Теоретики дают сухие ненужные схемы своих сердитых потуг, и выходит какая-то методика вместо искусства, что делает большую скуку и большей частью слабое искусство, и пережевывают то, что уже сказано было большими мастерами ранее.

<...> Для контраста глаза и предмета Тициан прибавлял к красивой женщине зеркало и амура.

И.И. Левитан. Автопортрет

Веласкес брал светлое лицо и черные [тона], гениально располагая эти пятна. Искусство Ренессанса все декоративно, а также и скульптура. Они имели в виду, создавая произведение, и помещение, где будет находится это произведение. Декоративная сторона в изобразительном искусстве имеет цель вместе со всем высоким в искусстве. Упадочность нашего времени создала из декоративной живописи дешевку, то есть так называемых уборщиков, а потому их произведения мертвые, бездушные, и мастерство их плохо.

<...> Один сердитый юноша сказал: «Мне не нравится Тициан». «Он не стал от этого хуже», – ответил я.

Ветчина превкусная штука, но картин она не смотрит.

<...> Искусство всегда было, есть и будет, и нет современного искусства. Оно ново [только] потому, что долго было старо... Искусство новое – это автор нов, и оригинален, и самобытен. Если бы никто ранее не видал искусство египтян и только теперь бы показать его, то ужель оно не было бы ново? Ведь оно было бы новей нового, его теперь только поняли: его удивительную помпезную и титаническую красоту, весь мистицизм и величие. Я думаю: что, после египтян, не показалось бы искусство современности дешевой сладенькой водицей? Разве египтяне и греки – не декораторы, кто же больше?

Живопись сама в себе и сама за себя есть все, она и есть искусство. Но грусть долин, тишина

воды, ночи, нега и тайна лунного света, печаль осеннего сада есть у поэта, [это же] может быть и в живописи. Мне хочется сказать: нельзя думать, что если поэт-художник создал произведение, положим, Гойя, он литератор... А разве не поэт Левицкий – какие и как поняты у него женщины, и разве не поэты Рембрандт и Боттичелли? Да разве они хуже оттого, что разные? Разве есть одна живопись? Да вся живопись разная, как авторы. И одна все же живопись, она одна!

<...> Я лично люблю все искусство – и старое, и новое, всю музыку, даже слушать шарманку – ведь на них играли Бетховена и Штрауса. Не очень мне нравятся произведения, сделанные с досадой, нарочно, с какой-нибудь недоброй стороной озорства или самоуверенная пошлость. Ведь в произведениях искусства видно ясно все лицо, всю душу автора <...>

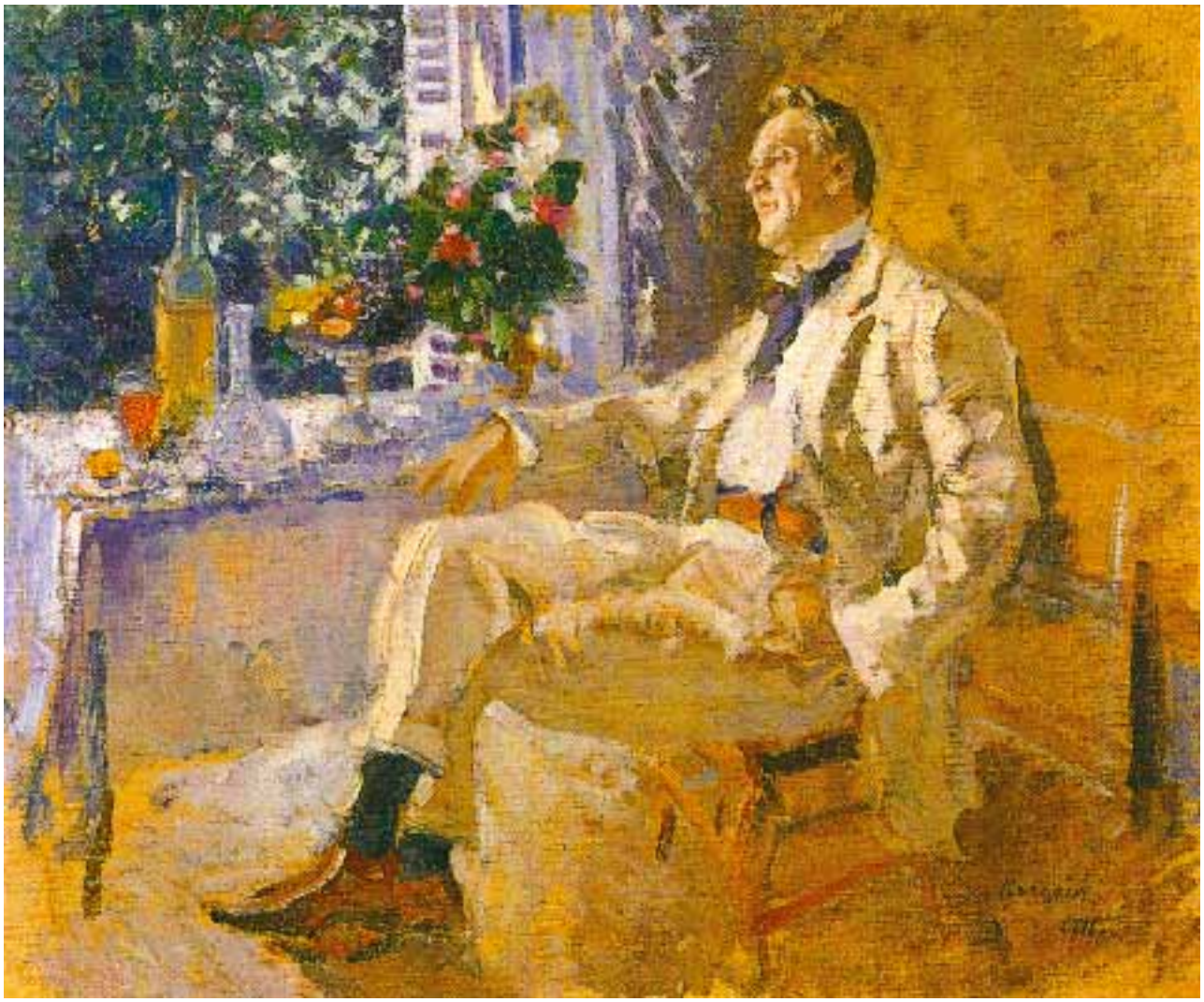
* * *

Левитан обвязывал себе голову мокрым полотенцем с холодной водой, говорил: «Я крокодил. Что я делаю – я гасну». В каждой работе художник держит как бы экзамен: он готов отвечать, он должен победить, быть значительным – он ведь сам себя смотрит.

Я ходил слушать Ф.И. Шаляпина всегда, когда он раздражен и сердит. Он шел петь и пел удивительно – он побеждал. Он сказал мне однажды замечательную вещь, которую помещаю, как высокую ценность для артиста. Он пел «Бориса» Мусоргского. Я ему сказал на сцене: «Ну, ты сегодня был удивителен». – «Знаешь, Константин, – сказал он, – я сошел с ума: я думал сегодня, что настоящий Борис». Этого уже нельзя сделать, этому надо быть, но чтобы это было, надо, чтобы знание и большой труд, ранее созданный, лежал там, позади творчества, надо было раньше ах как много поработать.

* * *

Вол работает двадцать часов, но он не художник. Художник думает все время и работает час в достижение, а потому я хочу сказать, что одна



К.А. Коровин. Портрет артиста Ф.И. Шаляпина. 1911

В.А. Серов. Автопортрет. 1880-е гг.

работа не делает еще артиста. Разрешение задач, поставленных себе, как гимн радостный, увлечение красотой – вот здесь, около этих понятий, что-то есть <...> но не могу объяснить, как это сказать, не знаю.

Заметки об искусстве (1891)

Пейзаж не писать [без] цели, если он только красив, – в нем должна быть история души. Он должен быть звуком, отвечающим сердечным чувствам. Это трудно выразить словом. Это так похоже на музыку.

Нужны картины, которые близки сердцу, на которые отзывается душа <...>

Нужно быть умно оригинальным – от сердца в живописи.

Петербург. Болит моя грудь. Люди, вы такие дикие! В вас нет Бога. Я художник, вся зависимость моя есть от общества, а вы не хотите обратить ваше внимание<...>

Октябрь. Как я приниженно чувствую себя у [Тычкова?] Что это? Где истинный залп творчества? Какой-то порядок, осуждение восторга, какой-то гнет приступности и всякой спешки. Ругать Врубеля, этого голодного гения, и быть настолько неинтеллигентным, чтобы его не понимать сознательно...

Мастерская – это спасение от мира подлости, зла и несправедливости.

Человек! Если ты будешь молчать, то тебя осудят всячески. Если ты будешь говорить, хотя и верно, то тебе будут завидовать четверть окружающих, то есть, значит, будут ругать; четверть тебя будет ругать за что и где тебя нужно ругать; четверть будет не соглашаться потому, что она будет хотеть показать, что имеет свое мнение; четверть не поймет, эта будет не согласна и будет говорить о тебе ерунду. Вывод – человека вон!

<...> У меня рисуются долины Кавказа, как бы я хотел написать вечер в Грузии, а мне предлагают жить в глуши, в деревне... и что же – я даже не знаю, на что купить красок. А я доныне доброе пел людям – песню о природе красоты.

Меня душат слезы. Не человеком ли я относился ко всем, не добряком ли? О, друзья, друзья! Как трудны бывают минуты моей жизни, а все готовы осудить меня и быть мне недоброжелателями... А я вот – русский, и все есть, чтобы стать лучшим художником, и что же? Нет ответа. Глухо, а время все идет и идет.

Писать нужно весело, свежо и немного брать и публику в расчет: кому пишешь.

<...> У меня был Ге, говорил о любви и прочем. Да, правда, любовь – это многое, но о деньгах он как-то отвернулся. Увы, бескорыстность не в тех, кто о ней говорит, а в тех, кто об ней не думает. Во мне нет корысти. Я бы действительно хотел петь красками песню поэзии, но я не могу – у меня нет насущного. А если я буду оригинален, то не пойду по ступенькам признания и поэтому принужден быть голодным.

Высказывания художников об искусстве, записанные Коровиным

В художественной среде моей жизни мне пришлось запомнить некоторые особенности тех из моих товарищей, с которыми меня связывала дружба. Они были художниками, и вот их девизами, которые были как бы заключения сути их толка и догматов, нахожу нужным поделиться с вами.

И.И. Левитан

Говорил, когда смотрел произведение живописи или этюд товарища: «Много правды, похоже».

Я достал флакон краски (это был лак роз-доре, тогда только выпущенный в продажу фабрикой «Мовес»), которой можно будет написать заходя-

щее солнце. «Зеленые цвета трудны. Ты, я вижу, – говорил он мне, – их нарочно обходишь».

Хорошо тронуто...

Чемоданисто (фраза, взятая у профессора Чистякова, бывшая в ходу в то время).

Как ни пиши, природа все же лучше.

М.А. Врубель

Срисовываешь, а не рисуешь.

Ах, если бы у меня было 500 рублей, я бы все время работал – это наслаждение.

Что вы пишете – это все в натуре гораздо лучше и совсем не нужно.

Нарисуйте попробуйте просветы воздуха в ветвях – не нарисуете. Как они красивы.

Продавайте скорее вашу капусту, а то, когда вас поймут, никто не купит.

Надо рисовать десять лет по пяти часов в день – после этого поймешь, может быть.

Нарисуй три пары женских рук, поднятых вверх и соединенных вместе, – и что, не можешь? Рисовать не умеешь.

Каков художник вздорный – рисовать не умеет. Хамство, энергия безвкусного глупца испортят страну.

Рисуй целый день, нет, ты рисуй и молчи: когда нарисуешь, тогда говори об искусстве.

Лучшее искусство – русский фарфор.

Написать натуру нельзя и не нужно, должно поймать ее красоту.

Писать, как другой, просто глупо.

Ложно-классики – испуганные дураки.

В.А. Серов

Понимаете, да не умеете.

Знаешь ли, у вороны – особенная грация.

Смотри, как И Е. Репин пишет широко, а палитра у него, подумай, маленькая.

На севере свет все в бок светит – мокрый свет.

Не знаю, может быть, хорошо, но смотреть только неприятно.

Трудная штука глаза – ведь они разные.

Не люблю я, когда много краски на холсте – неприятно.

Как эти испанцы замечательно головы в хвост вставляли; так вот как надо.

Руки писать трудно.

Хорошо надо рисовать, чтоб было похоже, а то все около.

Про Врубеля: Михаил Александрович – красавец.

Все краски, краски... Ты черным напиши хорошо.

Писать можно – рисовать-то трудней.

В искусстве красота: искусство красоты – заключительный аккорд произведения.

М.А. Врубель. Автопортрет. 1882

Цорн

Надо краской уметь рисовать.

Артист не утомляет вас трудностью своего произведения.

Импрессионист – это Веласкес.

Жильбер

Какая живопись: в ней и репетиция, и спектакль. Скучно. Подумай, если бы ты видел, как жонглер работает, все время совершенствуя ловкость трюка, целый год, ты бы ему не аплодировал в цирке.

Не надо нести усталость и весь пот труда в ваше произведение, так как это будет не искусство, а его трудность.

Воспоминания о современниках

В.Д. Поленов

Цорн, я и Поленов были приглашены на вечер к князю В.М. Голицыну. Кажется, он был в это время губернатором Москвы. Князь сам приехал и пригласил Цорна и нас. Его жена, Софья Николаевна Голицына, рисовала и писала красками. Народу на вечере было много, много дам света. Приехали посмотреть знаменитого художника-иностранца.

За большим круглым столом расположились гости за чаем.

– Теперь такая живопись пошла, – говорила одна дама. – Ужас! Все мазками и мазками, понять ничего нельзя. Ужасно. Я видела недавно в Петербурге выставку. Говорили, это импрессионисты. Нарисован стог сена, и, представьте, синий... невозможно, ужасно. У нас сено, и, я думаю, везде, – зеленое, не правда ли? А у него синее! И мазками, мазками... Знаменитый, говорят, художник-импрессионист, француз. Это ужас что такое! Вы вот хорошо, что не импрессионист, надеюсь, у нас их нет, и слава богу.

Я смотрю – Цорн как-то мигает.

– Да. Но и Веласкес – импрессионист, сударыня, – сказал он.

– Неужели? – удивились дамы.

– Да, и он (Цорн показал на меня) – импрессионист.

– Да что вы. Неужели? – вновь изумились дамы. – А портрет Софи написал так гладко!..

Дорогой до дому Цорн спрашивал меня:

– Это высший свет?

– Да, – говорю я.

– Как странно.

Цорн молчал. А на другой день утром он собрал свои чемоданы и уехал к себе, в Швецию.

* * *

С большим чувством признательности я вспоминаю своих учителей живописи. Милого друга Василия Дмитриевича Поленова. Какой скромной души был этот прекрасный художник! Как он любил нас, Левитана, меня и Ф.И. Шаляпина, для которого рисовал костюм Мефистофеля. Он говорил мне, что хочет написать земную жизнь Христа. «Ничто меня так не поражает, – говорил он, – как образ Спасителя».

* * *

Три года назад я получил письмо здесь, в Париже, что умер Василий Дмитриевич Поленов.

Письмо было от его жены, Наталии Васильевны. Она трогательно писала мне, что Василий Дмитриевич, умирая от старости, был в полном сознании. «За два дня до смерти он сказал мне, – писала жена: “Достань мне этюд Коровина, речку в Жуковке. И повесь здесь, передо мной на стене. Я буду смотреть. А если умру, напиши ему в Париж поклон, скажи, что увидимся, может быть, опять на этой речке...”»

М.А. Врубель

Когда Врубель был болен и находился в больнице, в Академии художеств открылась выставка Дягилева. На открытии присутствовал государь. Увидев картину Врубеля «Сирень», государь сказал:

– Как это красиво. Мне нравится.

Великий князь Владимир Александрович, стоявший рядом, горячо протестуя, возражал:

– Что это такое? Это же декадентство...

– Нет, мне нравится, – говорил государь. – Кто автор этой картины?

– Врубель, – ответили государю.

– Врубель?.. Врубель?.. – Государь задумался, вспоминая.

И обернувшись к свите и увидав графа Толстого, вице-президента Академии художеств, сказал:

– Граф Иван Иванович, ведь это тот, которого казнили в Нижнем?..

А.П. Чехов

На большой дороге

Май месяц. Зеленеют сады. Так хотелось уйти за город, в природу, где зеленым бисером покрылись березы и над лугами громоздятся веселые весенние облака. А луга засыпаны цветами. Голубые тени ложатся от дубрав, и в розовых лучах солнца разливается песня жаворонка.

В рощах, в оврагах, еще кое-где – остатки талого снега. И в лужах, не смолкая, кричат лягушки. Соловьи заливаются в кустах черемухи по берегам речки. Весна, май, солнце... Даже в Москве, по Садовой улице, палисадники у домов веселят душу – цветы, акация.

В Сокольниках первого мая – чаепитие. Праздник. Столы покрыты скатертью. Блестят самовары. Пахнет сосной и дымом. Пестрая толпа москвичей среди леса распивает чай. Хлеб, булки, бисквиты, кренделя, колбаса копченая. Разносчики продают белорыбицу, балык осетровый, семгу, сигов копченых, огурчики свежие, редиску.

Уж обязательно мы ходили в Сокольники с А.П. Чеховым, с его братом Николаем. Он был художник, наш приятель. Радушные самоварщицы угощали каким-то особенным хлебцем, вроде пеклеванного. Этот хлеб был внутри как будто пустой. Хорош он был с колбасой. Запивали чаем. А чай был обязательно со сливками, которые подавались в крынках.

И.И. Левитан

Много прошло времени, много Левитан написал восхитительных этюдов, много картин. И получил признание.

Как-то раз, вернувшись из-за границы, зашел ко мне.

– Ну что? – спросил я. – Как тебе понравилось? Ты много видел?

– Знаешь, я хотел написать там одну вещь, такие замечательные деревья. Но внизу какая-

И.Э. Браз. Портрет писателя А.П. Чехова. 1898 ▸

В.А. Серов. Портрет художника И.Е. Репина. 1892

то куртинка – и у ней из камыша вставлена в землю загородка, выкрашенная в красное и голубое. Я не могу, это ужасно, это все портит... Я скучал, я люблю Россию... Константин! Я умру, я скоро умру...

* * *

И опять прошло много времени. Я встретил на Тверской Исаака Ильича. Щеки его ввалились, и глаза потухли. Он был одет щегольски, опирался на палку с золотым набалдашником. Сгорбленный, с тонкой перевязанной шелковым цветным шарфом шеей, он не понравился мне.

– Ты болен? – спросил я. – Ты очень изменился...

– Да, сердце, знаешь... Болит сердце...

– Плохо с Левитаном, – сказал мне и Антон Павлович, – плохо с сердцем...

А вскоре говорили у Мамонтова, что Левитан болен серьезно. Это было летом. Левитан умирал.

– Закройте же окна! – просил он.

– Солнце светит, – отвечали ему, – зачем закрывать окна?!

– Закройте! И солнце – обман!...

Это были его последние слова...

С.И. Мамонтов

Москва. Новый Газетный переулок. Театр в доме Лианозова, тот, который потом назывался «Художественный театр». По окончании мною Школы, на двадцать первом году, С.И. Мамонтов предложил мне работать в театре, писать декорации, делать рисунки костюмов опер, которые ставились у него в театре, называвшемся «Московская частная опера». Мамонтов взял меня с собой в театр, и в первый раз я был за кулисами.

Шла опера «Фауст». Я никогда ранее не видал артистов вблизи. Прямо передо мною на сцене, одетый в голубой плащ, в шляпе с пером, стоял красавец Антонио Андраде.

Надо мной рабочие держат фонарь с лунным, голубым светом, и, залитый им, красавец итальянец, приложив руки к сердцу, как бы замирая, поет в кулису:

Salve d'amore casa pure...[1]

А рядом со мной, в белом платье, в светлом парике с длинными косами, стоит Маргарита, певица Дюран. Служанка около нее держит в руках стакан с водой. Раздаются аплодисменты, кричат бис. У меня бьется сердце. Как восхитительно! Занавес падает. Аплодисменты. Артисты, держа за руки друг друга, выходят к рампе, с деланой радостной улыбкой. И все это около меня, совсем рядом, так что пудра от них летит на меня и я чувствую запах духов...

* * *

Мамонтов любил певцов, артистов, оперу, художников. Он любил героев, самую суть драматизма, ценил фразу, брошенную певцом с темпераментом. По лицу его было видно, как он восторгался, слушая певца. Для него пение было высшее восхищение. Любил итальянских певцов. Странно: он редко бывал в Большом императорском театре.

– Скучно, – говорил он. – Что-то казенное, условное.

* * *

В Абрамцеве, вечером, в большом деревянном доме Аксакова... Васнецов и много гостей. Репин говорит:

– Мы пьем чай китайский, а у нас здесь есть свои растения чудные: черника, анис, липа, малина, земляника, – прекрасные травы. Малиновый

[1] Привет тебе, приют священный... (*ит.*)

лист – ведь это превосходный напиток, ежевика... Я не пью чай... Чай – внушение. А какие сильные существа – лошадь, корова, но едят одну траву, мяса не едят. Я не ем мяса. Лев Николаевич Толстой прав: он думает, что потому, что люди едят мясо, они так взволнованы, может быть, потому и войны ведут. Да и, пожалуй, может ли быть справедлив человек, который ест мясо? Ведь это ужасно – убивать чудных животных, птиц. Есть, говорят, племена, которые никогда не ели мяса и живут будто бы до пятисот лет.

– А вот волки, Илья Ефимович, – сказал сын Мамонтова, Сергей, – едят овец.

– Оттого они так и злы, – ответил Репин. – А вот слоны едят только фрукты. И как слоны прекрасны, могущественны и добры.

– А ты это все серьезно? Убежден? – спросил Савва Иванович Репина.

– Совершенно. В сущности, надо пить только воду. Я думаю, что жить в доме очень вредно. Надо жить на воздухе. Я зимой сплю с открытыми окнами, тепло одетый – и только.

– Ты из Петербурга ехал ведь по железной дороге? – спросил Мамонтов.

– Да. А что?

– А тебе надо бы, по убеждениям, пешком пойти.

– Ты совершенно прав! Я из Петербурга и ходил в Москву пешком раз. Какая чудная прогулка. Поэзия. Какие любопытные люди встречались мне, какой пейзаж, смены природы...

– А как же в дождь, Илья Ефимович? – заговорили вдруг дамы. – И потом, ведь надо идти долго.

– Конечно, надо зонтик взять. А что долго, так ведь время – все это условно.

– Одеваться, значит, не нужно, – сказал Серов, – а ходить можно просто так, по-райски. Только у нас холодно.

– Ну, такой пустяка ви говорит, так нельзя, – сказал старик высокого роста, француз-гувернер Таньон. – Я не желает кушать трава, потому что я не корова. Вот в река здесь есть раковин прекрасный – huitres[2] – никто не понимай кушать и все на меня смеются. А в Париж кушают эскарго...

* * *

<...> Я удивлялся С.И. Мамонтову: как он любит оперу, искусство, как сразу понимает набросок, эскиз, хоть и не совсем чувствует, что я ищу, какое значение имеет в постановке сочетание красок.

А все его осуждали: «Большой человек – не делом занимается, театром». Всем как-то это было неприятно: и родственникам, и директорам железной дороги, и инженерам заводов.

И.Е. Репин. Портрет С.И. Мамонтова. 1880

* * *

<...> И вдруг в Париже я узнал, что Мамонтов разорен и арестован.

Вернувшись в Москву, я с художниками Васнецовым и Серовым навестил Мамонтова в тюрьме.

Савва Иванович был совершенно покоен и тверд, не мог нам объяснить, почему над ним стряслась беда <...>

Все быстро продали с аукциона – и заводы, и дома.

Я сейчас же навестил Савву Ивановича в доме его сына, куда его перевели под домашний арест. Савва Иванович держал себя так, будто с ним ничего не случилось. Его прекрасные глаза, как всегда, смеялись. И он только грустно сказал мне:

– А Феденьке Шаляпину я написал, но он что-то меня не навестил.

* * *

<...> Когда Савва Иванович был болен – это было в 1918 году, – я навестил его.

– Ну что ж, Костенька, скоро умирать. Я помню, умирал мой отец, так последние слова его были: «Иван с печки упал». Мы ведь русские.

Через неделю Савва Иванович скончался.

[2] Устрицы (*фр.*)